

С. Н. Малявин, Г. А. Куклин

ДОЛГ ПАМЯТИ КАК СПОСОБ НАУЧНОЙ РЕФЛЕКСИИ

*(Рецензия на книгу: Владимир Дмитриевич Плахов (1930–2015).
Неутолимая жажда знания: Сборник материалов памяти профессора
В. Д. Плахова / под ред. А. В. Воронцова. — СПб.: Своё Издательство,
2019. — 268 с.)*

В век постмодернизма особенно ценно обнаружить в массе новой обществоведческой литературы издание неожиданно и необычно традиционное. Книга «Неутолимая жажда знания» создавалась коллективом кафедры социологии педагогического университета им. А. И. Герцена и в своей фабуле является классическим посвящением *in memoriam*. В своем замысле это попытка вписать научное наследие петербургского социолога и философа В. Д. Плахова в контекст современной социальной и гуманитарной науки. Даже беглого взгляда на библиографию ученого достаточно, чтобы отметить неординарность этой фигуры. Перечень тем, которым он посвятил полноценные монографии, вызывает безусловный интерес к автору: это социологические и социально-философские исследования героизма, гениальности, парапсихологии, сексуальности. Все эти сферы были осмыслены Плаховым с точки зрения понятий нормы и отклонения, которые можно считать центральными в его философском наследии и раскрытию которых посвящен его самый масштабный труд: книга «Норма и отклонение в обществе: философско-теоретическое введение в социальную этологию». В этой связи можно сделать намек на попытку Плахова в своем творчестве философски переосмыслить предмет социологической науки, а именно предложить категории нормы и отклонения в качестве универсального аналитического принципа социальной теории. Тем не менее авторы сборника большее внимание уделили теме эпистемологии в творчестве В. Д. Плахова, определяя оригинальность его эпистемологической концепции в термине «диалектическая эпистемология». Плахов, в отличие от большинства авторов, употребляющих термин «эпистемология» как синоним теории познания, подчеркивает, что в отличие от гносеологии, эпистемология

является учением о социально опосредованном познании. И в этом смысле предлагает рассматривать в качестве предметной области эпистемологии образы, эпистемические и эпистемологические (образы двойного порядка). Через категорию образа эпистемология Плахова связывается с его социальной теорией нормы и отклонения, а также идеей парадигмы, широко распространенной в философии науки. Более того, Плахов расширяет сферу эпистемологии, заявляя о существовании различных образов знания: научных и ненаучных. Отдельно следует отметить, что В. Д. Плахов является автором популярного учебного пособия по истории социологии: «Западная социология XIX–XX вв.: от классики до постнеклассической науки. Эпистемологическое обозрение», в котором он сумел ярко и образно, в виде множества схем, перечней, оригинальных обобщений изложить большинство значимых позиций истории социологической мысли.

«Неутолимая жажда знания» заставляет задуматься и в более широкой перспективе. Невозможно не заметить, что сборник вышел в свет через четыре года после смерти В. Д. Плахова. И этот факт имеет значение, связанное не столько с объемом и основательностью материалов, и, напротив, не столько с обидными для столь выдержанной работы незначительными огрехами технического и стилистического свойства. Скорее этот временной разлом, как художественный прием, обнаруживает другой смысл этой книги, иначе высвечивает ее структуру. Этот смысл — в причудливой рефлексивности памяти, в данном случае памяти научной, которая представляет свой предмет в виде множества отражений и самих зеркал. Нам известны многочисленные примеры исследований литературы в литературе, всевозможные эксперименты слова над самим собой — от Марселя Пруста до Андрея Битова, но можно ли говорить о чем-то подобном в науке? Книга «Неутолимая жажда знания» показывает, что в социальных науках этот феномен определенно значим с точки зрения пресловутого *Verstehen*. Хотели того авторы или нет, но у них получилось показать множественные грани рефлексивной и нерефлексивной памяти как отдельного способа обращения науки к себе. Во-первых, отмеченный срок публикации заставляет угадывать, что из представленного является публикацией свежих переживаний, а что — плодом переосмысления. Во-вторых, обращение материального носителя к своему содержанию неожиданно вторит единой задаче: в частности, размытость изображения на копиях фотографий вызвана не их качеством, а скорее качеством вторичной издательской полиграфии. Вообще книга любопытно неряшлива, будто время расслабило редакторскую сосредоточенность, которая тоже очевидно имела место. В-третьих, здесь присутствует двойное, если не тройное, отношение структуры книги и ее предмета. Если читатель поинтересуется биографией самого В. Д. Плахова, то он обнаружит, что философ и социолог был еще и журналистом, а некоторые его научные работы написаны в достаточно свободной форме, в пограничном жанре научной публицистики. Книга, посвященная памяти Плахова, соответствует этой сложности. Она, например, содержит странный, фантазмагорический словарь терминов, который то ли пытается соответствовать стилю строгой научности, то ли, напротив, иронизирует над ней, обыгрывая неоднозначность плаховской концепции эпистемологии. Так же примечательна сама структура книги. Ее

можно условно разделить на две части. Одна посвящена В. Д. Плахову: включает несколько его статей, воспоминания о нем коллег и друзей, подробную библиографию, краткую биографию. Другая же содержит статьи известных петербургских социологов Н. А. Головина, О. К. Крокинской, Р. Е. Гергилова и др., но только немногие из них прямо обращаются к наследию Плахова. В этом воспоминании через четыре года, таким образом, уже содержится и лаг забвения: кто-то анализирует работы Плахова, кто-то его цитирует, кто-то предлагает материал на тему, близкую его творчеству, а некоторые работы и вовсе трудно идентифицировать в связи с магистральной темой. Возможно, существует множество внутренних связей и событий, благодаря которым мы видим эту книгу именно такой, но, даже не зная о них, можно смело заявить, что перед нами — определенный памятник биографии ученого после смерти. Книга находится, и это нехарактерно для изданий подобного рода, в некоторой промежуточной позиции. Это уже не некролог, в котором принято говорить официально и правильно. Но это еще не в полной мере обращение к научному творчеству со свободным интересом, лишенным необходимости соблюдать лицо. Она скорее передает с энергетической силой момент перехода от должностования воспоминания к несправедливости забвения. И в этой связи это очень личная книга для тех, кто знаком не с одним поколением ученых и преподавателей высшей школы. Но через биографию, через включение в научную структуру героя сборник создает и впечатление сочетания традиционной и рефлексивной науки, реального воплощения спора двух истин: либо наука говорит о реальности, либо наука говорит о себе самой. Более того, сам герой (реальность для авторов книги) оказывается рефлексивным в своем творчестве, что создает сложную многоголосицу, которой, возможно, и обращается каждая структура научного творчества при непосредственном к ней приближении.

Отдельные материалы книги можно отметить особо. Однозначный интерес с точки зрения возможного возникновения научной дискуссии о наследии Плахова, вызывает подробный список его трудов, составленный А. В. Шевцовым. Производит безусловное впечатление и словарь терминов эпистемологии Плахова, который занимает около трети книги. Он будет интересен специалистам по философии науки, теории познания, социологической эпистемологии: в словаре в краткой форме приводятся основные употребляемые значения базовой терминологии этих областей знания, а также многие нюансы употребления. Кроме того, данный словарь многое говорит и о самом В. Д. Плахове как ученом: философском стиле, используемом категориальном аппарате, круге тем. В частности словарь представляет Плахова как талантливого систематизатора, создателя оригинальных терминологий, смелого инициатора новых подходов и дисциплин. С этой точки зрения, конечно, важны и краткие статьи самого Плахова, говорящие о неординарности его мышления: чего стоит только формулировка названия одной из них: «Закон эпистемического дефицита. Анти-Фрейд. Закон Плахова». Среди воспоминаний стоит выделить тексты О. А. Бороноева и А. В. Скоробогатко, отмеченные некоторыми важными наблюдениями относительно судьбы ученого в современных реалиях российской системы образования. Ряд сильных материалов содержит раздел

«Наука, философия, общество». Непосредственно анализ наследия В. Д. Плахова, и снова в области эпистемологии, содержится в статье Ю. В. Рахмановой «Об эпистемологическом образе социологии». Интересны в своих областях статьи: Р. Е. Гергилова «Трансформация сексуальной морали европейского человека», содержащая некоторые размышления относительно известной полемики Н. Элиаса и Г. — П. Дюрра, и Н. А. Головина «Критическая теория общества Франкфуртской школы: формирование социологической парадигмы», актуализирующая некоторые идеи немецкой социальной философии второй половины XX в.

Выход в свет книги «Неутолимая жажда знания» преследует цель начать широкую дискуссию о месте наследия В. Д. Плахова в структуре современного научного знания. Очевидно, что и предмет дискуссии и то, как она началась посредством этого полемического издания, заслуживает внимания. Остается только пригласить ученую публику к дальнейшей рефлексии.